

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2018, 9(1): 53-64

DOI: 10.13187/rs.2018.1.53
www.ejournal15.com

Portraits

Traditional Folk Culture in the Collecting Activities and Literary Works of Nikolay Ivanovich Bilevich

Varvara E. Dobrovolskaya ^{a, *}

^aThe Russian National House of Folk Art`s and Amateur Creativity of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article deals with activity of Nikolai Ivanovich Bilevich as collector and student of traditional culture. Folk traditions occupied a significant place in his works. He actively used them both in his pedagogical and literary work. At the same time he can be considered as the founder of system of collecting folk material in Kursk province as he created the complex program of “descriptions of Kursk province” on which many local historians worked. His works have an unusually wide scope. They widely represent not only folklore and ethnographic, but also historical and statistical data and arts. Bilevich actively used folklore in his literary work. He reworked folk prose, especially fairy tales and true stories. He could use the folklore plot in his own author's work together with folk motifs and images, often creating an independent author's work on the basis of folklore. At the same time, he used folklore not only at the level of the story and figurative system, but also at the level of detail. Bilevich's works on local history represented the folk tradition of the South of Russia, especially of Kursk region, and at the same time touched other regional traditions. It should be noted that he was one of the few who paid attention to urban folklore tradition. His descriptions of Moscow and Kursk holidays so far have retained their relevance.

Keywords: biography, local history, collecting folklore, folklore and literature, folklorism, literary tale.

1. Введение

Имя Николая Ивановича Билевича обычно связывается с гимназией высших наук князя Безбородко, во время обучения в которой он был соучеником Н.В. Гоголя, Н.В. Кукольника, Е.П. Гребёнки и Н.Я. Прокоповича. Реже вспоминают о том, что он был педагогом Ф.М. Достоевского, когда тот учился в пансионе Л.И. Чермака. Билевич известен и как автор библиографического обзора «Русские писательницы XVIII–XIX вв.» (Билевич, 1847а).

Николай Иванович был знаком с Н.А. Полевым, Н.И. Надеждиным, И.В. и П.В. Киреевскими, встречался с А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.М. Языковым, посещал литературные вечера М.Н. Загоскина, А.Ф. Вельтмана, Ф.Н. Глинки. Нам известны его

* Corresponding author

E-mail addresses: dobrovolska@inbox.ru (V.E. Dobrovolskaya)

переводы для журнала «Телескоп» и несколько сатирических статей, которые в 1832 г. он издал отдельной книгой под заглавием «Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия» (Билевич, 1833). Он опубликовал ряд статей в «Библиотеке для чтения», «Москвитянине», «Московском городском листке» и других изданиях. Во всех словарях он значится как педагог и писатель. И действительно, у него есть не только художественные произведения, но и статьи по педагогике.

Но еще одна сфера интересов Билевича оставалась несколько в стороне от внимания исследователей. Речь идет о его увлечении фольклором. Народные традиции занимали в творчестве Николая Ивановича существенное место. С одной стороны, он активно использовал их в своей педагогической работе и в литературном творчестве. С другой стороны, его можно считать основоположником системного собирания народных традиций в Курской губернии.

2. Материалы и методы

Н.И. Билевич оставил после себя большое литературное наследие. Но, не будучи профессиональным фольклористом и этнографом, Николай Иванович в значительной степени весь собранный материал по народоведческой тематике использовал в своих литературных и публицистических очерках. Его работы имеют необычайно широкую краеведческую проблематику. В них широко представлены не только фольклорно-этнографические, но исторические, искусствоведческие и статистические материалы. Поэтому в нашей работе основным методом исследования является биографический, т.е. исследование субъективной стороны общественной жизни человека, анализ личных документов. Поскольку данная работа в значительной степени имеет историографический характер, то используются методы, общие для всех общественных наук, применяемые с учетом своеобразия и задач историографии, и специфические, свойственные именно историографическому познанию. Основное внимание сосредоточено на использовании **сравнительно-исторического метода**. Он дает возможность изучить историографические факты в их сопоставлении и качественном изменении в процессе развития. Помимо этого, используется метод конкретного анализа, ориентированный на исследование отдельных историографических явлений в тесной связи с исторической обстановкой, с учетом условий их возникновения и взаимовлияния.

3. Обсуждение и результаты

Как учитель словесности Н.И. Билевич обращался в своей работе к фольклору, прежде всего к сказке. Так, в статье «О преподавании русского языка и словесности» он уделил большое внимание месту сказки в системе детского чтения (Билевич, 1846а).

Но наиболее ярко его интерес к народным традициям проявился в книге «Святочные вечера», первое анонимное издание которой появилось в 1836 г. (Святочные вечера, 1836). Книга была встречена благосклонными отзывами В.Г. Белинского и О.И. Сенковского. Сенковский увидел в книге «ум, шутку, проблеск чувства и воображения, что всего лучше, что-то русское, национальное, что-то слышанное вами в народе!», правда не преминул добавить, что нашел в ней «что-то русское — грубое, тяжелое, мужицкое» (Сенковский, 1836: 4–5). Белинскому книга тоже понравилась, и он прямо посоветовал «автору обратить внимание на свой талант». Правда, В.Г. Белинский ошибся, полагая, что «автор, очевидно, не большой грамотей, еще новичок в своем деле; и оттого его язык часто в разладе с правилами, часто в его рассказах встречаются обмолвки против характера простодушия, который он на себя принял; он прикидывается простым человеком, хочет говорить с простыми людьми, и между тем употребляет слова *“фантазия, тени умерших”* и тому подобное. Но, несмотря на все это, какое соединение простодушия и лукавства в его рассказе; какая прекрасная мысль скрывается под этою русско-простонародно-фантастическою формою!» (Белинский, 1836: 304).

Книга эта имеет две части. Первая состоит из «мудрых сказаний» разумной ключницы боярина Растоплюхина Соломонида Патрикеевны, которая названа тетушкой издателя. Вторая часть представляет собой «пересказки» некоего Артамона Фалалеева, который является племянником некоего старосты.

В 1839 г. книга была издана вторично (Билевич, 1839). У нее несколько изменилось название, формат, а главное появились автор и издатель. Авторство «Святочных вечеров» Билевич приписал Николаю Кунацкому, а издателем «выступил» Григорий Рацкий. Первая часть книги называется «Сказки, что рассказывала нам вечерами о святках тетушка Соломанида Патракевна», а вторая – «Росказни старостина племянника Парамона Артамоныча».

Издания отличаются друг от друга по числу текстов и их названиям. Так, в издании 1836 г. во второй части первая сказка называется «Дедова история», а в издании 1839 г. – «Дед Денис Григорьевич». В издании 1836 г. «Юродивый» является четвертым текстом в первой части книги, а в издании 1839 г. – пятым текстом во второй части.

Кроме того, в издании 1839 г. есть предисловие издателя, названное «Преждесловие», в котором рассказывается история автора данной книги. Дядя-издатель Григорий Рацкий сообщает читателям, что он крестьянин «К... губернии», и хотя в Российской империи были и другие губернии, начинавшиеся с буквы К, «ходить из Орла на барках с хлебом в Питер» (Билевич, 1839: III) можно было только из Курской. Таким образом, Билевич сделал автора и издателя уроженцами своей родной Курской губернии.

Надо сказать, что Билевич довольно точен в некоторых деталях. Так, Николай Кунацкий «в праздники, отслушав литургию у Харитония в огородниках» (Билевич, 1839: IV), сидит дома и читает книжки. Единственная в Москве церковь Харитония Исповедника стояла до революции в дворцовой Огородной слободе близ Чистых прудов и часто ее называли «что в Огородной слободе» или «в Огородниках». Кроме дворцовых работников, здесь жили и торговые люди, священники, дворяне, бояре. Надо сказать, что молодой торговец в «овощном ряду» (Билевич, 1839: III) стал прихожанином одной из «аристократических» церквей Москвы. В 1830-е гг. прихожанами этой церкви были семейство писателя А.В. Сухова-Кобылина, А.С. Грибоедов, И.И. Дмитриев, Е.А. Баратынский, П.А. Федотов, в реставрации храма участвовал историк И.Е. Забелин. Прихожанином церкви был и маленький А.С. Пушкин. Это место было значимым для литературной Москвы, и многие прихожане этого храма входили в круг знакомых Николая Ивановича.

Предисловие интересно тем, что в своем рассказе о публикации и сжигании книги Николай зачитывает дяде то, что об этой книге «судят люди грамотные, что журналы сочиняют...» (Билевич, 1839: VII). И дальше почтенный приказчик богатого купца-торговца выслушивает выдержки из рецензий О.И. Сенковского (Сенковский, 1836) и В.Г. Белинского (Белинский, 1836) на первое издание книги (Билевич, 1839: VII–IX, XIV–XVI). Диалог дяди и племянника включает книгу в круг изданий, которых в то время выходило немало. Это «Сказки русские, рассказываемые Иваном Ваненко» (Ваненко, 1838)¹, «Деревенская забавная старушка. По вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки» (Деревенская забавная старушка, 1842), «Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд» (Краснобай, 1844) и т.д. Но главной книгой такого рода были «Русские сказки, из предания народного изустно на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским» (Русские сказки, 1832). Автором этого собрания был В.И. Даль. И хотя тираж книги был практически полностью уничтожен, она пользовалась большой популярностью. И свою книгу Билевич сопроводил посвящением: «Удалому сказочнику казаку Василию Луганскому Николай Кунацкой и Григорий Рацкой своими сказками кланяются». Совершенно очевидно, что данное произведение находится в русле литературных мистификаций, столь популярных в то время.

При анализе текстов становится очевидно, что автор не просто хотел создать вещь, стилизованную под сказку, а очень хорошо знал живую фольклорную традицию. Для него было важно не только симитировать народную манеру речи, а передать особенности фольклорной прозы, ее изложения. Несмотря на то, что тексты не передают диалектных особенностей речи, сюжетный состав во многом близок южнорусской фольклорной традиции.

¹ Автор И.И. Башмаков, известный своим произведением «О солдате Яшке, красной рубашке».

Тексты, вошедшие в данный сборник, по своей жанровой принадлежности не всегда являются сказками. Собственно сказок там всего три: две волшебных и одна бытовая. Казалось бы, жанр сказки требует некоего единообразия в использовании фольклорных элементов. Прежде всего писатель задействует свойственные тому или иному сюжету образы и мотивы, значительно реже сказочную поэтику и обрядовость. Однако Билевич поступил иначе, более того, для каждого сказочного текста он выбрал разные принципы использования фольклорных элементов.

Для первой сказки он выбрал сюжет об Иване царевиче и Кощее Бессмертном. В русской сказочной традиции известно два типа сюжетов о Кощее: это «Смерть Кощея в яйце» (СУС-302₁) и «Смерть Кощея от коня» (СУС-302₂). В зависимости от того, какой тип сюжета реализуется тем или иным сказочником, в текст включаются дополнительные мотивы.

В сюжете «Смерть Кощея в яйце» появляется мотив о помощи благодарных животных (СУС-554), а если реализуется сюжет «Смерть Кощея от коня» – то мотив пастьбы лошадей у Бабы-Яги. И в том, и в другом случае завязкой сказочного действия обычно является мотив «Животные-зятя» (СУС-552А), который необходим для того, чтобы герой выдал своих сестер замуж за животных, а те в свою очередь помогли шурина добыть красавицу жену.

В сказке из книги Билевича вместо животных-зятьев появляются зятя-ветры. Сюжет в русской традиции встречающийся, но обычно зятя являются представителями трех разных стихий: солнца, месяца и ветра. В данном случае это три ветра. После свадьбы сестер герой отправляется путешествовать и подслушивает под дубом разговор трех других ветров о несчастьях, которые те наслали на некие царства. Обычно данный сюжет характерен для другого типа сказок («Правда и Кривда» (СУС-613)), в которых ослепленный брат подслушивает рассказы чертей об их злодействах, а потом ликвидирует эти злодейства и получает награду. Для сказок о Кощее данный сюжет совершенно не свойственен. Однако есть сказки, где именно ветер рассказывает герою о каких-либо событиях, более того, герой идет к ветру, чтобы узнать ответы на интересующие его вопросы. Таким образом, в данном случае мы наблюдаем соединение сюжетов. Такое бывает и в фольклорной традиции, когда сказочник по какой-либо причине вставляет в текст сказки не свойственный данному сюжету мотив. В устной традиции соединение может быть органичным или механическим, в авторском тексте говорить о механическом соединении не приходится – логика повествования в данном случае не нарушается.

Герой сказки женится на царевне, в отличие от фольклорного сюжета не являющейся богатыршей и живущей в доме ее отца, который в какой-то момент уезжает, и герой во время его отсутствия освобождает Кощея из кипящей смолы¹, а тот, естественно, похищает царевну. Для фольклорной традиции свойственны другие акценты: герой действительно после свадьбы не возвращается к себе, а живет в доме жены. Но отца героини в фольклорных сказках нет, а освобождение Кощея происходит в тот момент, когда Марья Моревна уезжает из дома и оставляет мужа на хозяйстве.

После похищения царевны герой сказки Билевича отправляется на поиски жены, встречается с зятями и идет к Кощею пасти табун его лошадей. Для чего нужна эта работа у Кощея? Для того, чтобы герой мог похитить у злодея свою жену. В традиционных сказках герой это делает без подготовки на местности, просто приезжает и увозит. Но конец и в том, и в другом случае одинаков: Кощей убивает героя, а зятя оживляют его с помощью живой и мертвой воды. После этого герой отправляется пасти лошадей Бабы-Яги, по дороге обеспечив себя животными-помощниками. Он благополучно пасет лошадей, получает в награду чудесного коня о двенадцати крыльях. И по логике народной сказки он должен отправиться к Кощею и с помощью коня его убить – т.е. должен разворачиваться сюжет «Смерть Кощея от коня». У Билевича ничего подобного не происходит.

Герой, получив коня, отправляется на нем за смертью Кощея, которая находится в яйце, яйцо в утке, а вот утка – не в зайце, как положено, а в козе, а коза в сундуке. Герой с помощью животных-помощников добывает яйцо, возвращается к Кощею и после того, как

¹ В традиционных сказках Кощей обычно висит на цепях в самом дальнем чулане, и сердобольный герой поит его водой, от чего тот приобретает силу, освобождается и похищает царевну.

яйцо разбито, Кощей превращается в сухую былинку, которая, вероятно, с течением времени рассыплется в прах. Для фольклорной традиции такой «романтический» конец для Кощея не предусмотрен – он просто рассыпается трухой, прахом, пеплом, костями и т.д.

Билевич прекрасно знал сказочную традицию, легко и просто соединял мотивы разных сказок. В результате такого соединения сюжет оказывается несколько утяжеленным, но в XIX в. и даже в начале XX в. подобных текстов от сказочников из народа записывалось немало. Достаточно вспомнить сказки Ковалева, Господарева, Сороковикова-Магая; анонимные авторы лубочных сказок также любили прибегать к подобного рода соединениям.

Таким образом, данный текст соответствует сказочной традиции. Можно говорить об определенной стилизации под простонародный язык, делающей текст несколько тяжеловатым, но даже в XX в. были сказочники, рассказывавшие сказки именно таким языком, который обычно характеризуется как «оригинальный и своеобразный стиль» (Азадовский, 1832: 191–198). Например, так рассказывал сказки Антон Кошкаров (Антон Чирошник). Другое дело, что в случае с народным сказочником процесс идет в обратном направлении: сказочник старается рассказать сказку «по-городскому», «по-образованному», в то время как Билевич хотел передать именно речь человека из народа, который «обучался грамоте чуть ли не в трех школах» (Билевич, 1839: III).

Иная ситуация со сказкой «От чего живет пословица: “где черт сам не сможет, туда бабу пришлет”», которая относится к сказкам об одураченном черте (СУС-1000–1199). Ее сюжет практически идентичен народным сказкам, в которых черти обязуются построить за одну ночь амбар и за это получить ребенка, но женщина будит петуха и амбар остается недостроенным. В фольклорных сказках обычно отсутствует вопрос о причинах того или иного события, о существовании пословиц и т.д. Безусловно, есть варианты, в которых пословица появляется в качестве заключительной реплики персонажа или финальной формулы. Билевич использовал пословицу как вопрос в начале сказки, ответом на который и стал сказочный текст. Такой прием более типичен для мифологической или легендарной прозы, но и в этом случае пословицы используются нечасто.

Третья сказка называется «Зеленая птица». В русской традиции ничего подобного нет. Это, безусловно, авторская сказка. Скорее можно говорить о том, что на некоторые образы и сюжетные ходы этого произведения оказал влияние фольклор Западной Европы, прежде всего сказки братьев Гримм, и, возможно, сказки Гофмана. Нужно отметить влияние на текст Билевича образов русских романтических повестей, прежде всего такой, как «Черная курица, или Подземные жители» А. Погорельского. Однако говорить о таком сходстве приходится только на уровне отдельных образов или мотивов. Так, превращение молодых людей в птиц есть у братьев Гримм, но там подобное происходит в рамках сюжета «Дети у ведьмы». У Билевича же ситуация совершенно другая. Бабушка и Зеленая птица вроде бы одно и то же существо, но в некоторых случаях они могут существовать параллельно, и тогда Зеленая птица выступает как ее орнитоморфный двойник. Когда Сеня, выбросив клетку с птицей в болото, возвращается домой, Зеленая птица оказывается на месте, и герой вынужден бежать за клеткой на болото, где происходит магическое превращение и юноша становится другой зеленой птицей. Затем в птицу превращается и Лиза. При этом бабушка героини знает, что принесенные ей с болота зеленые птицы – это Лиза и Сеня, но старушка-молочница не стремится вернуть им прежний облик. Таким образом, в данной ситуации сказка Билевича скорее должна рассматриваться как волшебная авторская повесть, а не как сказка.

Таким образом, автор по-разному обращается с фольклорным материалом. В первом случае мы можем говорить об обработке фольклорной сказки, во втором – об использовании фольклорного сюжета и определенной авторской работе с фольклорными мотивами и образами, и, наконец, в третьем случае речь идет о самостоятельном авторском произведении, написанном в жанре волшебной повести.

Остальные тексты в сборнике сказками не являются. В большинстве своем это былички. Они представляют собой развернутые и свидетельствующие о прекрасном знании традиции тексты. Так, например, в «Папоротнике» колдунья Акулина не просто рассказывает о том, что с помощью цветка папоротника можно найти клад, но и о том, кто этот клад охраняет и что нужно делать, чтобы преодолеть испытания. Пытаясь достать

цветок, герой сталкивается с непонятными «рожами», курицей «ростом с лошадь, перья у курицы такие и сякие, а мохор, что твоя шапка, так и сидит на голове», каретой, «из золота, колеса и оси серебряные», запряженной гусями и форейтором индюком, размером «с доброго теленка, да еще с усами», с ослом «в кафтане, и шляпа набекрень», сидящем верхом на баране и т.д. Т.е., перечисляются образы, которые может принимать нечистая сила, охраняющая папоротник. Когда же герой нарушает запрет и заговаривает с незнакомой красавицей, то все золото, которое он добыл, превращается в черепки, кирпичи и камешки, что также свойственно народной традиции. Тема клада реализуется в другом тексте, где кузнец Федор Петрович ищет клад на Петров день. Клад охраняют черти, и хотя герой вроде бы их обманывает и даже в определенный момент ездит на черте, однако и в этом случае клад превращается в черепки и кости.

В рассказе «Белые колпаки» Билевич разрабатывал мотивы оборотничества, как добровольного, так и вынужденного. Ведьма Аграфена Ферапонтова превращается в белую свинью и уводит Федора Ивановича с дороги, черти принимают разные облики, а затем самого Федора Ивановича Аграфена Ферапонтова обращает в лошадь и ездит на нем. В фольклорной традиции свинья – один из излюбленных обликов ведьмы. Именно в образе огромной белой или черной свиньи она преследует свою жертву. Ведьмы в быличках и сказках обычно превращают мужчин в коня и ездят на нем на шабаш.

В тексте «Дед» используется другой сюжет быличек – «чертова свадьба», участником которой по той или иной причине оказывается человек. В данном случае Денис Григорьевич становится участником праздника нечистой силы, а утром чудесным образом просыпается у себя дома.

Блестящее знание мифологической прозы позволило Н.И. Билевичу создать тексты, необычайно близкие по форме к быличкам. Он использовал не только традиционные фольклорные сюжеты и образы. Автор прекрасно знал жанровую специфику мифологических рассказов, которым свойственна опора на личный опыт рассказчика, установка на достоверность повествования и кодификация бытового поведения. Все эти тексты являются историями из жизни близких знакомых либо тетушки Соломонида Патрикеевны, либо Парамона Артамоновича. Героями историй становятся обычные люди, если и незнакомые рассказчику, то хорошо известные его друзьям и знакомым.

Наконец, еще три текста являются притчами. Но и в них активно используются фольклорные образы низшей демонологии. Так, в рассказе «Чудесная встреча» мертвец сообщает Федору Макарычу три сна (о жизни до смерти, о суде людей об умершем и о суете людской), которые должны повлиять на его жизнь. В «Савве Мироныче» появляется двойник героя и реализуется мотив домового, который похож на хозяина. В «Юродивом» представлен рассказ о пророчествах, различных видениях и т.д. Эти тексты также свидетельствуют о знании Билевичем фольклорной традиции и умелом ее применении в литературном творчестве.

Надо отметить, что в «Святочных вечерах» Н.И. Билевич использовал фольклор не только на уровне сюжетной и образной системы, но и на уровне деталей. Так, в текстах много пословиц, поговорок, присловий, герои гадают – и это не просто упоминание о гадании, но и этнографическое описание гадания (например, подробное описание гадания с яйцом – как наливают воду, как выливают в эту воду разбитое яйцо и т.д.).

С одной стороны, «Святочные вечера» находятся в контексте русской романтической фантастической повести. К моменту их выхода в свет (1836, 1839) уже опубликованы и широко известны и «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» А. Погорельского (1828), и «Перстень» Е. Баратынского (1831). Но, несмотря на то, что в романтических повестях много фольклорных аллюзий, это все-таки произведения, отличающиеся определенной возвышенностью и изысканностью. Действия обычно происходят в дворянском обществе, где подразумевается, что люди тонко чувствуют, понимают прекрасное и т.д. «Святые вечера» – это нечто иное. Это «поклон» не только Далю с его Казаком Луганским, но и Гоголю. К моменту публикации «Святочных рассказов» уже вышли гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки» и, конечно, Билевич был знаком с этим произведением. По сюжетному составу, манере изложения и по тому, что написаны «Святые вечера» Николаем Кунацким, а «Вечера на хуторе» – пасечником Панько Рудым, можно говорить о том, что повесть Н.В. Гоголя оказала на Билевича определенное влияние. У Билевича, как

и у Гоголя, персонажи народной демонологии очень легко и непринужденно вписаны в повседневный быт. Но, в отличие от Гоголя, он испытывал заметную затрудненность в передаче «простонародного» языкового колорита. Подделка под язык простолюдина у него очень хорошо видна. Бесспорным достоинством «Святочных вечеров» является прекрасное знание фольклорных и этнографических реалий. Фантастика у Билевича этнографически достоверна. Можно с уверенностью говорить о том, что он знал принципы функционирования фольклорной прозы.

В «Святочных вечерах» Билевич тем или иным образом использовал фольклорные тексты. Но увлечение фольклором проявилось и в том, что он обратился к проблемам его собирания и изучения. Вряд ли можно говорить о том, что Николай Иванович был ученым-собирателем фольклора, но, живя в Москве, он интересовался историей города, и в печати появлялись его работы краеведческого характера. Наиболее показательна в этом отношении статья, вышедшая в журнале «Москвитянин» и посвященная истории Петровского-Разумовского (Билевич, 1846б). Билевич не только описал достопримечательности подмосковной усадьбы, но и дал подробную детализированную картину гуляния «чистой публики» на Петров день, привел топонимические предания о названии места, появлении второй части названия и т.д.

Помимо краеведческих заметок, за время жизни в Москве Н.И. Билевич опубликовал несколько сказок, одна из которых представляет собой текст из Курской губернии (Билевич, 1847б). Эта сказка, скорее всего, услышана им в Курской губернии. Он записал ее по памяти, а не в момент исполнения, поэтому назвать текст аутентичной записью нельзя, более того – сказка подверглась литературной обработке, но данный текст, безусловно, характеризует особенности сказочного репертуара курского региона. В «Московских ведомостях» он опубликовал статью о курской Коренной ярмарке, в которой привел легенду об обретении иконы, источнике и строительстве Коренной Пустыни.

Но основная деятельность Николая Ивановича как фольклориста началась в 1853 г. В это время он вышел в отставку и поселился в Курске, где был утвержден в звании члена-производителя работ курского губернского статистического комитета с назначением заведующим комитетом. Губернские статистические комитеты были ведущими органами комплексного краеведения в российской провинции. Надо отметить, что в Курске с 1830-х гг. краеведение было развито хорошо. Заслуга в этом принадлежала военному губернатору города Курска и курскому гражданскому губернатору М.Н. Муравьеву. При нем в городе сложился кружок людей, интересовавшихся историей родного региона (Шавелев, 1997). По инициативе губернатора были составлены описания Курской губернии в ботаническом и геологическом отношении, началась публикация метеорологических наблюдений, был составлен исторический и географический путеводитель по Курской губернии (Раздорский, 2010). Однако после того, как М.Н. Муравьев покинул Курск, краеведческая деятельность практически сошла на нет, и лишь с появлением в городе Н.И. Билевича работа возобновилась.

И связано начало этой деятельности с проектом первой памятной книжки Курской губернии. Реализация этого проекта была возложена на Николая Ивановича, который в 1854 г. составил комплексную программу «Описания Курской губернии», по которой и работали многие местные краеведы.

16 апреля 1855 г. на заседании губернского статистического комитета Билевич предложил программу подготовки памятной книжки. Члены комитета приняли решение просить курского губернатора И. Д. Лужина оказать содействие в ее издании. Изначальный вариант структуры памятной книжки, предложенный Билевичем, включал восемь разделов. Помимо «Современной статистики губернии», «Биографии известных уроженцев губернии», полного адрес-календаря и «Местных замечаний», в издание были включены разделы, непосредственно связанные с краеведением: «Историческое обозрение города Курска и Курской губернии», «Указатель примечательных древностей г. Курска и некоторых мест в губернии», «Монастыри, пустыни и церкви» и «Предметы, заслуживающие особого внимания в губернии». Безусловно, после рассмотрения программы в Министерстве внутренних дел в структуру был внесен ряд изменений, но в основном он касался частных проблем (Раздорский, 2009). И Николай Иванович начал работу по сбору материала. Им было предложено вести сбор справочных сведений через рассылку циркулярных

запросов различным должностным лицам и присутственным местам губернии. Подобный метод использовался фольклористами часто, но системная рассылка вопросов программы, судя по всему, впервые была осуществлена именно в Курске. Подобная практика не принесла существенных результатов, так как многие не понимали сути запросов и либо вовсе не предоставляли информации, либо отделялись отписками, но, тем не менее, определенные сведения были получены.

В конце 1856 г. Билевичем была представлена ориентировочная смета расходов на издание памятной книжки. Казалось бы, она должна была выйти уже в 1857 г., но работа приостановилась. Причиной этой остановки стало здоровье Николая Ивановича. Он начал стремительно терять зрение, был вынужден оставить свою должность и существенно сократить работу в статистическом комитете в целом. За ним было оставлено наблюдение за работами, прежде всего по обработке «монографических трудов и по собиранию материалов для издания будущих памятных книжек» (Билевич Николай Иванович, 1908). Билевич не оставил работу по изданию памятной книжки и даже писал губернатору Н.П. Бибикову прошение о внесении в книжку новых данных, и издании ее в 1858 г. (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24: 45–45 об.). В личном письме, приложенном к рапорту, он писал о своем плохом здоровье: «...почту себя счастливым, если я когда-нибудь могу пригодиться на дело общей пользы, оставшись с неиспорченным еще зрением в правом глазе, потому что левый у меня уже едва видит и вообще при моем незавидном здоровье, страдая давнею хроническою болезнью, более 8 лет» (ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24: 44–44а.).

Памятная книжка вышла только в 1860 г., но редактором и корректором данного издания стал уже И.И. Бесядовский¹. Причиной этого была практически полная слепота Билевича. Он не дождался выхода памятной книжки, о которой так хлопотал, она появилась в конце года, а Николай Иванович после длительной болезни умер в своем имении в селе Патепке Щигровского уезда 15 (27) июля 1860 г.

4. Заключение

Безусловно, Николай Иванович Билевич является преимущественно историком русской культуры, автором библиографического труда «Русские писательницы XVIII–XIX вв.», сказочных повестей и литературных сказок, небольших физиологических очерков о городской жизни и статей о достопримечательностях. Творчество Николая Ивановича подтверждает значительную роль художественной литературы в становлении региональной историографии (Добровольская, 2014; Добровольская, Иванова, 2016). Но прозаик и педагог оказался очень внимательным и скрупулезным собирателем фольклорно-этнографического материала. Его краеведческие статьи представляют фольклорную традицию юга России, прежде всего современной Курской области, в то же время затрагивают и другие региональные традиции. Надо отметить, что Николай Иванович был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города. Его описания московских праздников до настоящего времени сохранили свою актуальность.

Нельзя не сказать и о его работах в сфере курского краеведения. До настоящего времени его статья о курской Коренной ярмарке является эталонной. Составленная им комплексная программа «Описания Курской губернии» не потеряла своей актуальности и в настоящее время. До Революции 1917 г. по ней работали многие курские краеведы, но и сейчас многие разделы этой программы являются серьезной поддержкой в краеведческой работе.

Литература

Азадовский, 1932 – Азадовский М.К. Сказки А.К. Кошкарова (Антон Чирошник) // Русская сказка. Избранные мастера. Л.: Academia. 1932. Т. 2. С. 191–198.

¹ Исследователями ошибочно считается, что И.И. Бесядовский – первый исследователь курской Коренной ярмарки. Однако его статья «Коренная ярмарка в 1863 году» появилась только в 1866 г. во втором выпуске «Трудов Курского статистического комитета», в то время как статья Билевича вышла уже в 1854 г. (см. выше). Надо отметить, что Билевич опередил не только своего коллегу по статистическому комитету, но и других авторов, таких как И.С. Аксаков и В.П. Безобразова (Аксаков, 1858; Безобразов, 1864).

- Аксаков, 1858** – Аксаков И.С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1858. 383 с.
- Безобразов, 1864** – Безобразов В.П. Из путевых записок. О Коренной ярмарке и Коренной Пустыни // *Русский вестник*. 1864. Т. 51. № 6. С. 606–666.
- Белинский, 1836** – Белинский В.Г. Святочные вечера, или рассказы моей тетушки // *Молва*. 1836. Т. XIII. № 11. С. 300–310.
- Билевич, 1833** – Билевич Н.И. Картинная галерея светской жизни, или Нравы XIX столетия. М.: Типография Лазаревых Института восточных языков, 1833. В 2 ч. Ч. 1. 144 с. Ч. 2. 114 с.
- Билевич, 1839** – Билевич Н.И. Святочные вечера. Написаны Николаем Кунацким. Изданы дядею его Григорием Рацким. СПб.: Типография Е. Фишера, 1839. IV, 162 с.
- Билевич, 1846а** – Билевич Н.И. О преподавании русского языка и словесности // Библиотека для воспитания. Отделение второе. Год второй. 1846. Ч.3. С. 47–83.
- Билевич, 1846б** – Билевич Н.И. Об историческом значении Петровского-Разумовского // *Москвитянин*. 1846. № 8. С. 12–22 (смесь).
- Билевич, 1847а** – Билевич Н.И. Русские писательницы XIX века. Период пушкинский. М.: [б.и.], 1847. 80 с.
- Билевич, 1847б** – Билевич Н. Сказка об Иване-богатыре // *Московский городской листок*. 1847. 15 июля. №153. С. 613–614; 16 июля. № 154. С. 616–618; 17 июля. №155. С. 621–622.
- Билевич Николай Иванович, 1908** – Билевич Николай Иванович // *Русский биографический словарь*: в 25 т. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1908. Т. 3. Бетанкур – Бякстер. 701 с.
- Ваненко, 1838** – Ваненко И. Сказки русские, рассказываемые Иваном Ваненко. М.: Типография Н. Степанова, 1838. 265 с.
- ГАКО** – Государственный архив Курской области.
- Деревенская забавная старушка, 1842** – Деревенская забавная старушка. По вечерам рассказывающая простонародные веселые сказочки. М.: Типография Смирнова, 1842. 292 с.
- Добровольская, 2014** – Добровольская В.Е. Николай Иванович Билевич: фольклор в литературном творчестве и собирательской деятельности // *Авторские миры в художественном тексте XIX–XX веков: Материалы международной научной конференции (г. Курск, 28–30 июня 2013 г.)*. Курск: КГУ, 2014. С. 213–224.
- Добровольская, Иванова, 2016** – Добровольская В.Е., Иванова Т.Г. Билевич Николай Иванович // *Русские фольклористы. Библиографический словарь XVIII–XIX вв.* В 5 т. Т. 1: А–Г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 355–358.
- Краснобай, 1844** – Краснобай, или Дедушка Тарас рассказывать горазд. СПб.: Типография губернского правления, 1844. 147 с.
- Раздорский, 2009** – Раздорский А.И. Памятные книжки Курской губернии (Историко-библиографический обзор) // *События и люди в документах курских архивов*. Курск: ЮМЭКС, 2009. Вып. 7. С. 81–104.
- Раздорский, 2010** – Раздорский А.И. Программа по становлению историко-статистического описания церквей и монастырей Курской епархии в 1830-е гг. // *Болховітінівський щорічник 2009*. Київ, 2010. С. 114–119.
- Русские сказки, 1832** – Русские сказки, из предания народного изустно на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому принаровленные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. СПб., 1832: Типография А. Плюшара, 201 с.
- Святочные вечера, 1836** – Святочные вечера, или Рассказы моей тетушки. М.: Типография М. Пономарева, 1836. Кн. 1–2.
- Сенковский, 1836** – Сенковский О.И. Литературная летопись. Святочные вечера, или рассказы моей тетушки // Библиотека для чтения. 1836. Т. XVI. С. 45–46.
- СУС** – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 437 с.
- Щавелев, 1997** – Щавелев С.П. Первооткрыватели курских древностей: Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Курск: Издательство Курского

государственного медицинского университета, 1997. Вып. 2: «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е гг. 140 с.

References

- [Azadovskii, 1932](#) – *Azadovskii M.K.* (1932) Skazki A.K. Koshkarova (Anton Chiroshnik) [Tales of A.K. Koshkarova (Anton Chiroshnik)] // *Russkaya skazka. Izbrannye mastera* [Russian fairy tale. Selected masters]. Leningrad: Academia. Vol. 2. pp. 191–198 [in Russian].
- [Aksakov, 1858](#) – *Aksakov I.S.* (1858) Issledovanie o torgovle na ukrainskikh yarmarkakh [A study on trade at Ukrainian fairs]. St. Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences. 383 p. [in Russian].
- [Bezobrazov, 1864](#) – *Bezobrazov V.P.* (1864) Iz putevykh zapisok. O Korennoi yarmarke i Korennoi Pustyni [From travel notes. On the Root Fair and the Root Hermitage] // *Russkii vestnik*. Vol. 51. № 6. pp. 606–666 [in Russian].
- [Belinskii, 1836](#) – *Belinskii V.G.* (1836) Svyatochnye vechera, ili rasskazy moei tetushki [Hymnal evenings, or stories of my aunt] // *Molva*. Vol. III. № 11. pp. 300–310 [in Russian].
- [Bilevich, 1833](#) – *Bilevich N.I.* (1833) Kartinnaya galereya svetskoi zhizni, ili Nravv XIX stoletiya [Picture gallery of secular life, or Manners of XIX century]. Moscow: Typography of Lasarevs of the Institute of Foreign Languages. In 2 parts. Part 1. 144 p. Part 2. 114 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1839](#) – *Bilevich N.I.* (1839) Svyatochnye vechera. Napisany Nikolaem Kunatskim. Izdany dyadeyu ego Grigoriem Ratskim [Christmas Eve. Written by Nikolai Kunatsky. Published by his uncle Grigory Ratsky]. St. Petersburg: Typography of E. Fisher. IV, 162 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1846a](#) – *Bilevich N.I.* (1846) O prepodavanii russkogo yazyka i slovesnosti [On the teaching of the Russian language and literature] // *Biblioteka dlya vospitaniya*. Part second. Second year. 1846. Part. 3. pp. 47–83 [in Russian].
- [Bilevich, 1846b](#) – *Bilevich N.I.* (1846) Ob istoricheskom znachenii Petrovskogo-Razumovskogo [On the historical significance of Petrovsky-Razumovsky] // *Moskvityanin*. 1846. № 8. pp. 12–22 [in Russian].
- [Bilevich, 1847a](#) – *Bilevich N.I.* (1847) Russkie pisatel'nitsy XIX veka. Period pushkinskii [Russian pen women of the XIX century. The Pushkin period]. Moscow: [s.n.]. 80 p. [in Russian].
- [Bilevich, 1847b](#) – *Bilevich N.* (1847) Skazka ob Ivane-bogatyre [The Tale of Ivan the Bogatyr] // *Moskovskii gorodskoi listok*. July 15. № 153. pp. 613–614; July 16. № 154. pp. 616–618; July 17. № 155. pp. 621–622 [in Russian].
- [Bilevich Nikolai Ivanovich, 1908](#) – Bilevich Nikolai Ivanovich [Bilevich Nikolai Ivanovich] // *Russkii biograficheskii slovar': v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: in 25 vol.]. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorohodov, 1908. Vol. 3. Betankur – Byakster. 701 p. [in Russian].
- [Vanenko, 1838](#) – *Vanenko I.* (1838) Skazki russkie, rasskazyvaemye Ivanom Vanenko [Tales of the Russians, told by Ivan Vanenko]. Moscow: Typography of N. Stepanov. 265 p. [in Russian].
- [GAKO – Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti](#) [State Archive of the Kursk Region].
- [Derevenskaya zabavnaya starushka, 1842](#) – *Derevenskaya zabavnaya starushka, po vecheram rasskazyvayushchaya prostonarodnye veselye skazochki* [Country funny old woman, telling in the evenings simple folk tales]. Moscow: Typography of Smirnov, 1842. 292 p. [in Russian].
- [Dobrovol'skaya, 2014](#) – *Dobrovol'skaya V.E.* (2014) Nikolai Ivanovich Bilevich: fol'klor v literaturnom tvorchestve i sobiratel'skoi deyatelnosti [Nikolai Ivanovich Bilevich: folklore in literary creation and collecting activity] // *Avtorskie miry v khudozhestvennom tekste XIX–XX vekov: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kursk, 28-30 iyunya 2013)* [Author's worlds in the artistic text of the XIX–XX centuries: Proceedings of the international scientific conference (Kursk, June 28–30, 2013)]. Kursk: KGU. pp. 213–224 [in Russian].
- [Dobrovol'skaya, Ivanova, 2016](#) – *Dobrovol'skaya V.E., Ivanova T.G.* (2016) Bilevich Nikolai Ivanovich [Bilevich Nikolai Ivanovich] // *Russkie fol'kloristy. Biobibliograficheskii slovar' XVIII–XIX vv.* [Russian folklorists. Biobibliographic Dictionary of XVIII–XIX centuries]. In 5 volumes. Vol. 1: A–G. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. pp. 355–358 [in Russian].
- [Krasnobai, 1844](#) – *Krasnobai, ili Dedushka Taras rasskazyvat' gorazd* [Great teller, or Grandpa Taras is eager to tell]. St. Petersburg: Typography of provincial government, 1844. 147 p. [in Russian].

[Razdorskii, 2009](#) – *Razdorskii A.I.* (2009) Pamyatnye knizhki Kurskoi gubernii (Istoriko-bibliograficheskii obzor) [Commemorative books of the Kursk province (Historical and bibliographic review)] // *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov* [Events and people in the documents of Kursk archives]. Kursk: YuMEKS. Is. 7. pp. 81–104 [in Russian].

[Razdorskii, 2010](#) – *Razdorskii A.I.* (2010) Programma po stanovleniyu istoriko-statisticheskogo opisaniya tserkvei i monastyrei Kurskoi eparkhii v 1830-e gg. [The program for the development of a historical and statistical description of the churches and monasteries of the Kursk diocese in the 1830s.] // *Bolkhovitinov'skii shchorichnyk*. Kiiv. pp. 114–119 [in Russian].

[Russkie skazki, 1832](#) – *Russkie skazki, iz predaniya narodnogo izustno na gramotu grazhdanskuyu perelozhennye, k bytu zHITEISKOMU prinarovlennye i pogovorkami khodyachimi razukrashennye Kazakom Vladimirom Luganskim* [Russian fairy tales, from the people tradition, are literally translated into civilian for civilian life, adapted by the way of everyday life, adorned with proverbial covenants by Cossack Vladimir Lugansky]. St. Petersburg: Typography of Plushar, 1832. 201 p. [in Russian].

[Svyatochnye vechera, 1836](#) – *Svyatochnye vechera, ili Rasskazy moei tetushki* [Hymnal evenings, or Stories of my aunt]. Moscow: Typography of M. Ponomarev, 1836. Book 1–2 [in Russian].

[Senkovskii, 1836](#) – *Senkovskii O.I.* (1836) Literaturnaya letopis'. Svyatochnye vechera, ili rasskazy moei tetushki [Literary annals. Hymnal evenings, or my aunt's stories] // *Biblioteka dlya chteniya*. 1836. Vol. XVI. pp. 45–46 [in Russian]

[SUS – Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka](#) [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad: Nauka. Leningrad Department, 1979. 437 p [in Russian]

[Shchhavelev, 1997](#) – *Shchhavelev S.P.* (1997). Pervootkryvateli kurskikh drevnostei: Ocherki istorii arkhologicheskogo izucheniya yuzhnorusskogo kraja [Discoverers of Kursk antiquities: Essays on the history of archaeological study of the South Russian region]. Kursk: Publishing house of the Kursk State Medical University. Issue 2: “Zolotoi vek” gubernskogo kraevedeniya: 1860–1910-e gg. [“Golden Age” in provincial studies of local lore: 1860–1910-ies]. 140 p. [in Russian]

Народная культура в собирательской деятельности и литературном творчестве Николая Ивановича Билевича

Варвара Евгеньевна Добровольская^{а,*}

^а Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова Министерства культуры Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена деятельности Николая Ивановича Билевича по собиранию и изучению традиционной культуры. Народные традиции занимали в творчестве Николая Ивановича существенное место. Он активно использовал их и в своей педагогической работе, и в литературном творчестве. В то же время его можно считать основоположником системного собирания народных традиций в Курской губернии, поскольку именно он составил комплексную программу «Описания Курской губернии», по которой и работали многие местные краеведы. Его работы имеют необычайно широкую краеведческую проблематику. В них широко представлены не только фольклорно-этнографические, но и исторические, искусствоведческие и статистические материалы. Н.И. Билевич активно использовал фольклор в своем литературном творчестве. Автор легко и свободно обращается с фольклорным материалом. В произведениях встречаются обработки фольклорной прозы, прежде всего сказок и быличек. Он может использовать фольклорный сюжет в авторской работе с фольклорными мотивами и образами, зачастую создавая на фольклорной основе самостоятельное авторское произведение. В то же время он использует фольклор не только на уровне сюжетной и образной системы, но и на уровне

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: dobrovolska@inbox.ru (В.Е. Добровольская)

деталей. Краеведческие статьи Н.И. Билевича представляют фольклорную традицию юга России, прежде всего современной Курской области, а также затрагивают и другие региональные традиции. Надо отметить, что он был одним из немногих, кто обратил внимание на фольклорную традицию города. Его описания московских и курских праздников до настоящего времени сохранили свою актуальность.

Ключевые слова: биография, краеведение, собрание фольклора, фольклор и литература, фольклоризм, литературная сказка.